

КОНЦЕПТ ПУСТОТЫ В РОМАНЕ «СЧАСТЬЕ КАНДИДА» С. КРУГОСВЕТОВА (компаративный анализ)

Дрейфельд Оксана Викторовна, кандидат филологических наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, floxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>

Аннотация. Смысловая пустота фактической реальности – важнейшая идея постмодернизма, которая связана с признанием относительности любых идей, философов, смыслов, концепты которых представляют собой «симулякры». За десятилетия существования русского литературного постмодернизма трактовка соотношения человека и реальности, вещи и концепта осмысливается заново относительно мировой культуры. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа романов Саши Кругосветова «Счастье Кандида» и В. Пелевина «Чапаев и Пустота» было выявлено содержание концепта *пустота*, создающего центральный образ в обоих текстах, были изучены его смысловые и функциональные характеристики. В романе «Чапаев и Пустота» концепт *пустота* участвует в формировании экзистенциального сюжета, связанного с субъективным стремлением персонажей к выходу из пустоты, потому что она участвует в преодолении неизбежных социокультурных самоидентификаций, позволяет строить образ множественности в противоположность бинарным оппозициям. В романе Саши Кругосветова при описании образа реальности основной стратегией повествования является игра с читателем, основанная на соотношении функциональных копий объектов, замаскированных объектов, иллюзорных объектов и виртуальных копий, а главными приёмами их предъявления становятся буквализация метафоры и абсурдизация. *Пустота* в романе Саши Кругосветова – не только онтологическая характеристика, размывающая оппозицию «бытия» и «небытия», но и особенность стилистики, уходящей от любого конкретного стиля за счёт освоения и присвоения слишком большого количества стилевых маркеров. Актуальность исследования связана с изучением модификаций русского постмодернизма в современном литературном процессе.

Ключевые слова: «пустота», симулякр, русский постмодернизм, Саша Кругосветов, В. Пелевин, литературная пародия, пастиш.

Для цитирования: Дрейфельд О.В. Концепт *пустоты* в романе «Счастье Кандида» С. Кругосветова (компаративный анализ) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 117–122. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-117-122>

Research Article

THE CONCEPT OF “VOID” IN THE SASHA KRUGOSVETOV’S NOVEL “CANDIDE’S HAPPINESS” (comparative analysis)

Oksana V. Dreifeld, PhD candidate in Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, floxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>

Abstract. The semantic “void” of actual reality is the most important idea of postmodernism, which is associated with the recognition of the relativity of any ideas, philosophies, meanings, the concepts of which are “simulacrum”. Over the decades of the existence of Russian literary postmodernism, the interpretation of the relationship between man and reality, thing and concept has been rethought in relation to world culture. With the help of a comparative analysis of the novels “Candide’s Happiness” by Sasha Krugosvetov and “Clay Machine Gun” by Victor Pelevin, respectively, the content of the concept “void”, which creates the central image in both texts, was revealed, its semantic and functional characteristics were studied. In the novel “Clay Machine Gun” the concept of “void” is involved in the formation of an existential plot associated with the subjective desire of the characters to get out of “void”, because it participates in overcoming the inevitable socio-cultural self-identifications, allows one building an image of plurality as opposed to binary oppositions. In the novel by Sasha Krugosvetov, when describing the image of reality, the basal narrative strategy is a game with the reader, based on the correlation of functional copies of objects, disguised objects, illusory objects and virtual copies, and the main methods

of their presentation are to demonstrate metaphors literally and absurd. "Void" in Sasha Krugosvetov's novel is not only an ontological characteristic that blurs the opposition of "existence" and "non-existence", but also a feature of style, moving away from any particular style due to the development and appropriation of too many stylistic markers

Keywords: "void", simulacrum, Russian postmodernism, Sasha Krugosvetov, Victor Pelevin, literary parody, pastiche.

For citation: Dreifeld O.V. The concept of "void" in the Sasha Krugosvetov's novel "Candide's Happiness" (comparative analysis). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 117–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-117-122>

Цель исследования – изучить смысловые и функциональные характеристики концепта *пустота* в позднем русском постмодернизме на материале романа Саши Кругосветова «Счастье Кандида» и романа Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» с помощью компаративного и концептуального анализа и интерпретации.

Классическая литература, как известно со времен «Поэтики» Аристотеля, создавалась на основе мимесиса – поэтики подражания реальности. Во второй половине XX века постмодернизм отказывается от идеи репрезентации реальности через текст литературного произведения [Сейдашова: 449]. Теоретики постмодернизма приходят к выводу, что любой литературный текст отсылает не к реальности, а к «языкам» и «концептам» культуры.

Ж. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» (1979) декларирует идею языка как конструкта, репрезентирующего не фактическую реальность, а определённую структуру понятий [Lyotard: 21–22]. Литературный текст, который подражает языкам искусства, отсылает, таким образом, не к универсальной единой фактической реальности, а к концептам и философемам определённых культурных парадигм.

Смысловая «пустота» фактической реальности сопряжена в постмодернизме с наличием «бесконечного Словаря культуры», концепты которого представляют собой «симулякры» (Джеймисон) – оболочки, лишённые субстанциональности, и копии, лишённые референции к объектам реальности [Jameson: 38]. Ранний постмодернизм ещё опирался на понимание сознания человека как реального процесса восприятия, вместилища индивидуального опыта взаимодействия человека с культурой [Гревцева: 5]. Но за десятилетия существования постмодернизма трактовка соотношения человека и реальности, вещи и концепта должна была варьироваться.

Мы предлагаем рассмотреть трансформацию постмодернистской трактовки взаимодействия человека и реальности на примере изменения трактовки концепта *пустота* в творчестве В. Пелевина («Чапаев и Пустота») и Саши Кругосветова («Счастье Кандида»).

Роман Саши Кругосветова «Счастье Кандида» характеризуется несколькими «слоями» «интертекстуальности»: наиболее очевидный слой закодирован в названии, но не менее интересно обратиться к тек-

стуальной параллели, реализованной в самом нарративе.

Начинаясь как условно «натуралистическое» повествование, нарочито делающее акцент на «физиологической» трактовке человека, нарратив инкорпорирует элементы, создающие образ гротескной реальности. Описание действительности, в которой обитает главный герой «Счастья Кандида» Кент, неожиданно дополняется «нереалистичными» элементами при помощи лингвистических приёмов (в первую очередь при помощи буквализации метафор). Например, в описании локуса подвала, выбранного персонажем для обитания, метафора буквализируется повествующим субъектом во фразе, где обозначается гротескная взаимосвязь предметного мира и реальности человеческих эмоций и оценок. Характеризуя несоответствие уровней улицы и внутреннего двора, повествующий субъект опирается в качестве объяснения на причинно-следственные связи между социальным статусом главного героя и состоянием пространства: «Жизнь его молодую поломали, искорежили – похоже на то, что и пространство вокруг него поехало от огорчения. Оно, пространство это, тоже, видимо, переживало за судьбу молодого и недооценённого обществом гражданина Российской Федерации» [Кругосветов: 12].

Интертекстуальность в начале повествования Саши Кругосветова опирается на роман Б. Виана «Пена дней». Широко известный эпизод в начале романа Виана, в котором Колен принимает душ и ухаживает за своей внешностью [Vian: 5], включает такие гротескные детали, как 1) живые бытовые предметы, используемые Коленом с целью повышения комфортабельности и гармонизации своего идиллического мира Дома (например, коврик, впитывающий воду, как живой организм), 2) органически независимые от своего носителя, но эстетичные части тела (отрастающие веки, которые Колен подрезает маникюрными ножничками), 3) сравнения внешности Колена и образов, отсылающих к идиллическому хронотопу («волны», на которые разделяет его волосы гребешок, уподоблены слоям абрикосового джема, который, в свою очередь, уподоблен пашне, освещённой закатным солнцем, на которой пахарь проводит борозды, вспахивая землю для сева).

В романе «Счастье Кандида» эти эпизоды дублируются в сниженном ключе. Если сравнить описание

процедуры причёсывания, то эстетизация, присутствующая у Виана, явно снимается: в образе «пробора», «смазанного машинным маслом» и кусающего алюминиевую расческу, соединяются органическая и механическая метафоры, а оживление элемента, разделяющего визуально волосы на две стороны, носит алогичный для повествователя характер. Этот эпизод не характеризует идеализированный гармоничный мир, как в романе Виана, наоборот, он вызывает недоумение повествователя: «Причесался на косой пробор. Пробор вел себя довольно строптиво – извивался, скрипел, пару раз укусил алюминиевую расческу и норовил соскочить с головы. Кент заправил машинным маслом специально приготовленную для такого случая масленку и смазал пробор. Это почему-то успокоило строптивца, он улегся между двумя волнами каштановых волос, однако довольно криво» [Кругосветов: 20].

Если говорить о приведённых приёмах повествования на языке семиотики, подобное совмещение знаков, относящихся к разным реальностям, оказывается совмещением разных знаковых систем. Подобное совмещение знаковых систем в классической литературе было характерно для пародийной авторской интенции. Но, помимо разрушения стилистической целостности, описанное совмещение в романе «Счастье Кандида» ведёт и к возникновению эффекта иллюзорности. Читатель текста вынужден переключаться из одного регистра в другой произвольно, следуя не логике описываемых событий, а только игре повествующего субъекта со стилями [см. об этом: Шубина].

Произвольность «переключений регистров» порождает сомнение в смысле эпизода. Например, рассказ о задабривании дворника подношением «переключает» внимание читателя на проблему онтологического статуса разного вида копий: «Шародей подарил ему две “Путинки”. Обе ненастоящие. Одну отпечатал на трехмерном принтере – в точности, как натуральная: и бутылка, и пробка, и наклейки, и содержимое максимально приближено к оригиналу. Вторая – виртуальная копия с имитацией всех тактильных и вкусовых ощущений. Вопрос только вот в чем: правильное ощущение виртуальной жидкости есть, а будет ли эффект опьянения? Виртуальную не жалко. Таких копий можно залить в телефон сколько угодно. Но конечный эффект Шародей не гарантировал» [Кругосветов: 20]. «Виртуальная копия» выступает здесь как предельно лишённая онтологического статуса «вещь в себе»: она создаёт «ощущение жидкости», но «заливается в телефон». Производя игру с прямым и переносным значением глагола «заливать» (слэнговое значение: обманывать, выдумывать), говорящий выводит окончательно описываемый объект из сферы действительно существующего и реализующего фактически наличные функции.

В этом же повествовательном фрагменте нарративная логика, связанная с выделением в качестве объекта восприятия иллюзорных (несуществующих) объектов-копий, дополняется демонстрацией копий фраз и афоризмов и даже копий персон мыслителей, чей онтологический и антологический статус имитируется: «Как сказал Феликс Максимович: “В человеке все должно быть прекрасно – и лицо, и все части тела и, что немаловажно, – некоторые особенные его части”» [Кругосветов: 20]. Это можно было бы воспринимать как разновидность низкопробного «бытового юмора», соответствующего традиции использования речевой характеристики персонажа, актуальной в реалистическом и натуралистическом нарративе, когда говорящий иронически, снижающе контаминирует фразы персон, выявляя либо иронию по отношению к культуре, либо кичевое неразличение культурных институций. Но в контексте первой главы, посвящённой «копиям копий», этот афоризм приобретает характер ироничной авторской рефлексии над проблемой, которая заявлена в названии второй главы, посвящённой «Пустоте».

Стратегия повествования во второй главе романа «Счастье Кандида» от натуралистического физиологизма переходит к письму, пародирующему логику гротескного повествования, буквально повторяющего фабульный ряд романа Виана «Пена дней». Во второй главе повествование освещает жизнь друга Кента, увлечённого философией и творчеством писателя Плезневича, автора произведения «Пустота».

Но если у Виана пародия в образе Жан-Соль Партра очевидна именно как регистр осмеяния определённого социокультурного явления, связанного с адаптацией идеалистической философской парадигмы под социально успешный проект, имеющий коммерческий успех (у Виана разорение одного из молодых героев связано с фанатичным приобретением изданий и атрибутики философа), то у Саши Кругосветова в романе «Счастье Кандида» Плезневич производит настолько абсурдные и в то же время концептуально содержательные опусы (книги о Пустоте с пустыми страницами, чтение которых имеет аккумулятивный эффект перехода со ступени на ступень в духовной практике постижения Пустоты), что создаётся эффект «знак знака», который как полностью лишён смысла, так и означен заново множеством культурных контекстов. В частности, нельзя отказать образу Плезневича в сходстве с Пелевиным по ряду признаков: начав с повествования о Чапаеве и Пустоте, а также о пустоте симулякров в повести «Омон-Ра», Пелевин популяризировал идеи философии буддизма о ценности *пустоты* в духовном опыте мыслителя.

Таким образом, читатель оказывается в галерее симулякров стилистического и сюжетного уровня:

следуя пародийной стратегии изображения, автор формирует имитацию сюжета Виана и в то же время работает с концептом *пустоты*, актуальным в русском постмодернизме. Это происходит благодаря связи виановских образов Сартра – Партра, повторённых в романе Кругосветова на уровне отражения образов Пелевина и Плезневича.

Итак, в романе «Счастье Кандида» при описании образа реальности читателю предлагаются: 1) вещи, которые замаскированы под другие вещи (создают иллюзию какого-то другого предмета); 2) вещи, которые функционируют в качестве других вещей; 3) вещи-копии («путинка»), похожие на настоящие, но не являющиеся подлинными (например, брендовыми); 4) виртуальные копии вещей; 5) пародийные копии и игровые стратегии языка, изменяющие отношения между объектами реальности и их предъявлением в речи; 6) копии копий («Плезневич, идеальный пророк Пустоты»).

Это определяет, на наш взгляд, стратегию восприятия данного произведения в контексте постмодернистского концепта «симулякр». Анализ произведений литературы раннего русского постмодернизма показывает, что «симулякр» трансформируется в русский вариант «пустота». Обратимся для анализа концепта *пустота* к роману Пелевина «Чапаев и Пустота».

На конференции «Москва – Токио 2001. Русские и японские писатели за круглым столом», отвечая на вопросы Мацүёси Нумано, Виктор Пелевин охарактеризовал «Чапаева и Пустоту» как «первый роман в мировой литературе, действие которого происходит в пустоте»¹. Роман, по сути, включает не только художественное исследование онтологического и гносеологического содержания понятия *пустота*, но и игру с номинацией персонажа, имя которого внесено в название.

Первое, на что обращает внимание читатель, – это «виртуальность» существования персонажей (Пустоты, Марии, Сердюка и Володина) в большинстве реальностей, которые они полагают «действительными». Следовательно, в первую очередь *пустота* имеет характер онтологически недостоверного, иллюзорного мира, который представляет собой симуляцию действительности. Однако эта «симуляция» обладает для персонажей притягательностью, поскольку имеет большой гносеологический потенциал – именно в «иллюзорной» действительности они взаимодействуют с культурно значимыми ситуациями и контекстами (например, Пётр Пустота оказывается комиссаром Чапаева). Таким образом, *пустота* характеризуется присутствием «знаков других знаков» – это происходит через семиотизацию новых контекстов, которые создаются «иллюзорными реальностями» персонажей. Автор ставит героев

в ситуацию, когда ценность их «иллюзорных реальностей» двойка для них самих: нулевая ценностная значимость *пустоты* как концепта, связанного с отсутствием пространственного и смыслового наполнения (для всех окружающих), дополняется субъективным стремлением персонажей к содержательному и осмысленному существованию, которое они могут обрести лишь в виртуальной «внутренней Монголии»: «Позвольте сказать вам напоследок одну вещь. Может быть, самую главную. Насчет того, куда попадает человек, которому удалось взойти на трон, находящийся нигде. Мы называем это место внутренней Монголией. – А где оно, это место? – В том-то и дело, что нигде. Нельзя сказать, что оно где-то расположено в географическом смысле. Внутренняя Монголия называется так не потому, что она внутри Монголии. Она внутри того, кто видит пустоту» [Пелевин: 255]. Движение к выходу из *пустоты* возможно потому, что она обладает свободой от общих смыслов и общепринятых акций и остаётся последним элементом после исчезновения реальности и сознания, воспринимавшего реальность. Эти наблюдения показывают, что в романе «Чапаев и Пустота», помимо изошённой интертекстуальной игры с культурными концептами, парадигмами, цитатами, стилями, помимо деконструкции понятий «реальность», «истина» и других позитивистских конструкторов, сюжет имеет отчётливую экзистенциальную проблематику.

Наблюдение исследователя М.В. Репиной, анализирующей в своей диссертации русский литературный постмодернизм и творчество Пелевина середины 90-х годов XX века, подтверждает наш вывод: «оставаясь по форме постмодернистскими, произведения, написанные в этот период, не только констатируют утрату реальности, но пытаются найти ориентиры в образовавшейся пустоте» [Репина: 25]. По мнению И. Скоропановой, концепт *пустоты* актуализируется для русского литературного постмодернизма в связи с отношением к миру как тексту, где оперирование симулякрами позволяет децентрализовать непреложный статус фактической данности и подготавливает обретение территории, на которой культурные смыслы не имеют статуса абсолютов [Скоропанова: 70]. Расширяя толкование Скоропановой на материале анализа концепта *пустота* в романе В. Пелевина, можно сказать, что «пустота» у Пелевина – это не только экзистенциальная философия [Суродина: 2], поскольку она участвует в расширении поля восприятия постмодернистских героев, в преодолении неизбежности социокультурных самоидентификаций, позволяет строить образ множественности в противоположность бинарным оппозициям.

Сопоставляя концепт *пустоты* в романе Саши Кругосветова «Счастье Кандида» с рассмотренными выше образами «пустоты» в романе В. Пелевина «Ча-

паев и Пустота», мы видим не только определённую историческую дистанцию между авторами («Счастье Кандида» опубликовано в 2021 г.). В романе Саши Кругосветова отношение к миру «не как к реальности, а как к тексту» [Скоропанова: 67] достигает уровня репрезентации персонажей исключительно как иллюзий, порождённых культурой, в буквальном смысле исчезающих в пустоте псевдолюдей, что является очередной постмодернистской цитатой из классического постмодернистского текста Х.Л. Борхеса «Las ruinas circulares» («В кругу руин») [Borges]. Все элементы изображённой в романе Саши Кругосветова реальности, включая людей, – это многократно реплицированные копии копий. Авторская стратегия повествования основана на открыто демонстрируемой игре с уже утратившими сакральное значение культурными архетипами, готовыми сюжетами, пародиями на литературные пародии и демаскировке повествовательных приёмов. Концепт *пустоты* оказывается наиболее актуальным способом утратить стиливую определённость: начиная с пародии на авангардистскую игру со словами и буквализацией метафор, свойственных роману Виана «Пена дней», наряду с использованием «наивного» героя, востребованного эпохой Просвещения для реализации сатирической оценки современного просветителям (Вольтеру, Монтескье и др.) человеческого общества, роман «Счастье Кандида» использует так много жанровых и стиливых стратегий, что это можно трактовать даже как «избыточность». Полистилистика, стиливая неоднородность, ведёт к полному растворению мимесиса: «пустота» здесь – это не только философия, интересующая персонажей, не только онтологическая характеристика, размывающая оппозицию «бытия» и «небытия», но и особенность стилистики, уходящей от любого конкретного стиля за счёт освоения и присвоения слишком большого количества стиливых маркеров. Текст романа «Счастье Кандида» может быть отнесён к позднему русскому постмодернизму, однако содержание концепта *пустота* отличается отсутствием экзистенциального содержания, присущего данному концепту в прозе Пелевина и раннего русского постмодернизма.

Примечания

¹ Язык улицы и язык поэзии: круглый стол в *Токійском университете с участием Вячеслава Курицына, Бориса Акунина, Сергея Гандлевского, Масахико Симады и Виктора Пелевина, 27 октября 2002 г.* URL: <https://pub.wikireading.ru/90642> (дата обращения: 17.02.2023).

Список литературы

Гревцева А.А. Парадигмы постмодернистского стиля мышления // Вестник Тамбовского универси-

тета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 5 (61). С. 374–379.

Кругосветов Саши. Счастье Кандида. Москва: АСТ, 2021. 416 с.

Пелевин В.О. Чапаев и Пустота // В. Пелевин Чапаев и Пустота. Жёлтая стрела. Москва: Вагриус, 2000. 414 с.

Репина М.В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2004. 25 с.

Сейдашова А.Б. Мотив пустоты в романе В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Вып. 22 (3). С. 449–456. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-449-456>

Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. Санкт-Петербург: Невский простор, 2001. 415 с.

Суродина Н.Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота»: на материале поэтического языка московских концептуалистов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоград. гос. пед. ун-т, 1999. 20 с.

Шубина П.В. Пустота как онтологическая и гносеологическая категория: способы говорить об отсутствии в западноевропейской философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2005. 21 с.

Borges Jorge Luis. Las ruinas circulares. URL: <https://ciudadseva.com/texto/las-ruinas-circulares/> (дата обращения: 17.02.2023).

Jameson Fredric. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. USA, Duke University Press, 1996, 438 p.

Liotard Jean-François. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. Paris, Minuit, 1979, p. 110.

Vian Boris. L'Écume des jours. Paris, Pauvert, 1963, 184 p.

References

Grevtseva A.A. *Paradigmy postmodernistskogo stila myshlenia* [Paradigms of postmodern style of thinking]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Ser.: Humanities], 2008, vol. 5 (61), pp. 374-379. (In Russ.)

Krugosveton Sasha. *Schast'ie Kandida* [Kandid's happiness]. Moscow, AST Publ., 2021, 416 p. (In Russ.)

Pelevin V. *Chapaiev I Pustota. Zol'taia strela* [Chapaev and Emptiness. Yellow arrow]. Moscow, Vegrius Publ., 2000, 414 p. (In Russ.)

Repina M.V. *Tvorchestvo V. Pelevina 90-h godov XX veka v kontekste russkogo literaturnogo postmodernizma* [The works of V. Pelevin in the 1990s in the context of Russian literary postmodernism]. Moscow,

Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2004, 25 p. (In Russ.)

Seydashova A.V. *Motiv pustoty v romane V.O. Pelevina "Chapaev i Pustota"* [Motive of emptiness in V.O. Pelevin's novel "Chapaev and Pustota"]. *Vestnik RUDN. Ser.: Literaturovedenie. Zurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2017, vol. 22 (3), pp. 449-456. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/23129220-2017-22-3-449-456>

Skoropanova I.S. *Russkaia posmoderniskaia literatura: novaia filosofia, novyi iazyk* [Russian Postmodern Literature: New Philosophy, New Language]. Saint Petersburg, Nevsky Prostor Publ., 2001, 415 p. (In Russ.)

Shubina P.V. *Pustota kak ontologicheskaja i gnoseologicheskaja kategorija: sposoby govorit ob otsutstvii v zapadnoevropejskoi filosofii* [Emptiness as an ontological and epistemological category: ways to talk about the absence in Western European philosophy]. Arkhangel'sk, Pomor State University named after M.V. Lomonosov Publ., 2005, 21 p. (In Russ.)

Surodina N.R. *Lingvokulturologicheskoe pole koncepta "pustota": na material poeticheskogo tvorcest-*

va moskovskih kontseptualistov [Linguistic and cultural field of the concept "emptiness": on the material of the poetic language of Moscow conceptualists]. Volgograd, Volgograd Pedagogical University Publ., 1999, 20 p. (In Russ.)

Borges Jorge Luis. Las ruinas circulares. URL: <https://ciudadseva.com/texto/las-ruinas-circulares/> (дата обращения: 17.02.2023).

Jameson Fredric. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. USA, Duke University Press, 1996, 438 p.

Lyotard Jean-François. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. Paris, Minuit Publ., 1979, p. 110.

Vian Boris. L'Écume des jours. Paris, Pauvert, 1963, 184 p.

Статья поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 18.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.